

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT
OF HUMAN CAPITAL

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПРИЗМЕ СИРИЙСКОГО
КРИЗИСА (2015 – НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)

DOI: 10.25629/НС.2018.06.01

БАЯЗИТОВ С.Г., РАЙНХАРДТ Р.О.

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации. г. Москва

Аннотация. Статья посвящена трансформации отношений между Турецкой Республикой и Российской Федерацией в контексте кризиса на Ближнем Востоке и, в частности, в Сирии, начало активной фазы которого пришлось на 2015 г. и который продолжается до сих пор. Проанализированы основные исходные позиции обеих стран, уровень и противоречия их двусторонних отношений к моменту начала кризиса. Далее с учетом прежде всего внешнеполитических факторов показана последовательная эволюция позиции Анкары в отношении Москвы на фоне усиления противоречий турецкого руководства со странами Запада и, в первую очередь, с США. В то же время внимание уделено и изменениям внутривосточного характера в Турции, в том числе деятельности курдских политических сил, попыткам государственного переворота и ряду других обстоятельств. Отмечена важная роль фактора личности российского и турецкого лидеров, В.В. Путина и Р.Т. Эрдогана, в диалоге по сирийской проблематике и обсуждению совместных мер, нацеленных на урегулирование данной ситуации. Наконец, выделены и описаны предпосылки для дальнейшего стратегического и взаимовыгодного сотрудничества России и Турции во внешней политике и экономике при текущей конъюнктуре.

Ключевые слова: внешняя политика, Турция, Ближний Восток, российско-турецкие отношения, сирийский кризис.

Актуальность проблемы. Новейшая история российско-турецких отношений насчитывает более пяти веков. За это время периоды мирного сосуществования и сотрудничества неоднократно прерывались военным противостоянием, в том числе в ходе двух Мировых войн, которые развели страны по разные линии фронта. Наследие, сформировавшееся в результате этих процессов, представляет собой богатый исследовательский материал, который вызывает глубокий интерес не только у историков, но и у представителей других научных направлений во всем мире. Высокая степень внимания к данной проблематике в международном научном сообществе обусловлена не только ее теоретической значимостью, но и практическим стремлением извлечь необходимые уроки для настоящего и будущего взаимоотношений двух государств, позиции и политика которых во многом продолжают определять общую ситуацию и баланс сил в таких ключевых пространствах мировой политики как Балканы, Причерноморский регион, Большой Ближний Восток [1].

Историческая ретроспектива показывает, что российско-турецким отношениям всегда была присуща значительная степень волатильности: за последние триста пятьдесят лет страны воевали двенадцать раз, при этом в среднем одну русско-турецкую войну от другой отделяло двадцать девять лет. С точки зрения статистики, это достаточно внушительный показатель. Для сравнения: с Францией Россия воевала четыре раза, с Германией имело место три крупных конфликта, два из которых, беспрецедентные по своему масштабу и разрушительности, в

русле Мировых войн. С учетом цикличной природы исторических и миро-политических процессов, уровень эскалации напряженности между Россией и Турцией сохраняется на высокой отметке. Даже торгово-экономическое измерение, выгодное для обеих сторон, не всегда оказывает должного смягчающего эффекта на сложившуюся ситуацию [2]. На основе этого может сложиться впечатление, что сирийский кризис, нередко воспринимаемый в качестве кульминации «Арабской весны», стал очередной проверкой на прочность российско-турецких отношений. Тот факт, что наличие геостратегических интересов у обеих стран в данном регионе приведет к их активной вовлеченности в конфликт, изначально не вызывал сомнений.

В целом, события, развернувшиеся на Ближнем Востоке, представляются квинтэссенцией накопившихся противоречий между государствами, чьи несовпадающие интересы нашли отражение в партии, которая разыгрывается в настоящее время в одном из самых сложных в геополитическом смысле регионов мира. Таким образом, сирийский узел не может быть рассмотрен вне контекста глобальных политических процессов: само внутривнутриполитическое противостояние и его производные – укрупнение радикальных течений, оформление международного терроризма в государство-подобную структуру ИГИЛ (террористическая организация, запрещена в РФ) и др. – суть угрозы безопасности всему мировому сообществу и принципам устойчивого развития. Активная вовлеченность таких региональных игроков, как Турция, Иран, королевства Персидского залива, наряду с мировыми лидерами в лице России, США и ЕС указывает на то, что сирийский кризис никогда не был и не мог быть исключительно внутренним конфликтом между правительственными силами и оппозицией. Его итоги несомненно окажут влияние и на российско-турецкие отношения, которые условно уже можно разделить на два периода – до и после начала кризиса, поскольку фундамент современного взаимодействия между странами формировался именно в ходе контактов вокруг сирийской проблематики.

Исходные позиции. В известной степени противоречивый характер политической линии, которую Анкара демонстрировала в отношении Москвы по мере развития конфликта в Сирии – от близости военной конфронтации в 2015 г. до коллективных, согласованных действий в 2017-2018 гг., во многом объясняется особенностями политической культуры самой Турции. В терминах современной геополитики [3], Турция имеет ряд преимуществ по отношению к странам рассматриваемого региона. В военно-стратегическом плане под контролем Анкары находятся Черноморские проливы Босфор и Дарданеллы. В геоэкономическом население страны составляет порядка 80 млн человек, а сама страна занимает восемнадцатое место среди крупнейших экономик мира. С позиций геофилософии [3] и «мягкой силы», на тюркских языках, лингвистически близких к турецкому, говорят до 250 млн человек. При этом наследие Османской империи предполагает наличие у Турции исторического опыта, традиции и культуры участия в мировой политике в качестве активного игрока. На современном этапе руководство страны последовательно и неоднократно демонстрировало желание действовать глобально, участвуя в деятельности Большой двадцатки, в рассмотрении международных проблем в качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН в 2009-2010 гг., а также в разрешении арабо-израильского конфликта [6].

Наряду с этим Турция проводит активные действия по укреплению своего влияния и в ближневосточном регионе. Распад Советского Союза и крушение Восточного блока отодвинуло многие государства этого региона на периферию интеграционных процессов. Если учитывать, что один из главных трендов в современной мировой политике – порождообразующий, то подобные обстоятельства стали благоприятным историческим моментом для Турции, стремящейся проводить системообразующую политику в регионе. На ранних этапах постбиполярной истории Турция отводила особое внимание родственным, культурно и этнически близким странам Центральной Азии и Южного Кавказа [5]. Системный подход, приверженность которому она демонстрировала, свидетельствовал об амбициях стать лидером региона, консолидировать вокруг себя соответствующие страны для более деятельного участия в миро-политических процессах.

Для новых независимых государств Малой Евразии инициативы Турции предполагали институциональное взаимодействие в двух- и многосторонних форматах, а также диверсификацию их отношений с Россией. Иными словами, Турция стала самостоятельным и полноценным конкурентом России в данном регионе. Сотрудничество с соответствующими странами подразумевало стимуляцию интеграционных процессов через проекты в торгово-экономической, энергетической, политической, образовательной и культурной плоскостях. В результате их реализации, Турции во многом удалось расширить свое присутствие в регионе, в первую очередь за счет привлечения других участников в региональные организации под своим началом. Среди таких интеграционных структур следует выделить Совет по сотрудничеству тюркоязычных стран, Парламентскую ассамблею тюркоязычных стран, Организацию по культуре и искусству тюркоязычных стран, Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию, Совет по внешним экономическим отношениям, Институт Юнуса Эмре, Турецкий Деловой Совет, Мировой турецкий бизнес-совет, Турецкий Красный полумесяц и другие [13].

Что касается России, то с самого начала в зарубежных экспертных кругах можно было встретить мнение, будто бы военная операция в Сирии для нее – не что иное, как способ вновь заявить о своей геополитической мощи и даже имперских амбициях. История страны, как древняя, так и новейшая, так же, как и в случае Турции, свидетельствует о стратегической важности ближневосточного региона. Наличие угроз, в т.ч. военного характера, исходящих от южных рубежей, сопровождало Россию на всех этапах ее исторического развития: в данном контексте допустимо упомянуть конфликты с народами Дикого поля, татаро-монгольское нашествие, борьбу советской власти с басмачеством, равно как и многие другие эпизоды. Говоря о новейшей истории, следует отметить, что Россия – страна, к руководству которой действующий сирийский президент Б. Асад обратился с официальной просьбой об оказании военной помощи. Авиаудары, нанесенные отечественными ВВС по военным объектам ИГИЛ (террористическая организация, запрещена в РФ), «Фронта ан-Нусра» (входит в состав «Аль-Каиды») и других террористических групп, были первыми в истории постсоветской России боевыми действиями, которые она вела за пределами территории бывшего СССР [16]. При этом ближневосточный и, в частности, сирийский театр военных действий в идеологическом плане никогда не рассматривался в качестве плацдарма для демонстрации военной мощи РФ с целью повышения ее влияния на процессы мировой политики и авторитета политического руководства, но один из фронтов в войне с международным терроризмом как глобальным злом современности. Данное видение ситуации нашло отражение в действующей Концепции внешней политики РФ, принятой 30.11.2016 г. [4].

Участвуя в данной кампании, Россия руководствовалась не только соображениями собственной, но и коллективной безопасности, продолжая выполнять свою в сущности историческую миссию по сдерживанию угрозы с Востока. Значение данной миссии для Запада не следует недооценивать: именно ослаблению и сдерживанию татаро-монгольской Орды со стороны российских княжеств, принятием на себя ее основного удара, европейские народы во многом обязаны сохранением и развитием своей богатой культуры. Думается, что историческую память об этих событиях следует сохранять, а не стирать, как это пытаются делать представители некоторых политических сил.

В пандан к вышесказанному, допустимо говорить и о наличии иных мнений. Здесь вспоминается высказывание Дж. Милио, одного из главных идеологов итальянской политической партии «Лига Севера», сделанное им в период распада Советского Союза: «Теперь русские станут нашими наемниками на юге» [14]. С тем, чтобы убедиться в ошибочности такого подхода и тяжелых последствиях, к которым могут привести попытки использования партнеров и союзников «втемную» для реализации собственных внешнеполитических интересов (как реальных, так и нередко призрачных), достаточно вновь обратиться к истории – прежде всего, Второй мировой войны. В условиях текущей геополитической конъюнктуры ответ Дж. Милио,

а также последователям, разделяющим его точку зрения, предельно прост: русские не наемники, но партнеры для всех членов международного сообщества, нацеленных на борьбу с терроризмом во всех регионах мира, включая Большой Ближний Восток. Несмотря на все сложности и краеугольные камни, новейшая история выявила существенный потенциал российско-турецкого партнерства в данной области.

Дихотомия внешнеполитического курса Турции. Общий политический курс Турции свидетельствует о том, что с момента завершения биполярной конфигурации системы международных отношений страна стремится закрепить за собой лидерские позиции в ближневосточном регионе и при этом попасть в семью европейских развитых демократий. В результате сложилась достаточно интересная ситуация: с одной стороны, Турция нацелена на создание региональной подсистемы, в которой видит себя государством-ядром, с другой стороны, в определенной степени и с известными оговорками продолжает демонстрировать приверженность западной политической культуре и желанию интегрироваться в ЕС, оставаясь при этом уникальным примером государства, в котором демократический режим был интегрирован в исламское общество [6].

Помимо этого, непростыми в данном контексте видятся взаимоотношения Турции и ее союзников по НАТО, в частности, США. С точки зрения политики Организации Североатлантического договора, Турция изначально, еще до присоединения к последней в 1952 г., рассматривалась как составная часть единого пространства европейской безопасности (статья 6 Североатлантического договора [9]). Уже после присоединения она неоднократно выступала в качестве проводника интересов США в регионе: критика неугодных американской администрации лидеров [10], поддержка революционных движений («Братья-мусульмане») и т.п. Часто подобная деятельность приводила к эскалации напряженности и усилению внутренних конфликтов в государствах региона. Этому способствовала и смена парадигм самой Организации в виде отхода от принципа «защиты территорий» к принципу «защиты интересов» в начале 2000-х гг.

Что касается современного этапа развития, то, например, американский политолог Дж. Фридман констатирует, что Турция находится в стадии перехода от статуса рядового члена стратегического блока периода Холодной войны к статусу зрелой региональной державы [15]. По мнению исследователя, ей еще не удалось установить баланс сил в своем регионе, что необходимо для формирования геополитической подсистемы, однако она смогла определить собственное равновесие между следованием курсу США и уверенной независимостью. Тем не менее Дж. Фридман прогнозирует обретение Турцией великодержавного статуса в ближайшее десятилетие [15].

Противоречия баланса между поддержанием блоковой дисциплиной и следованием собственному курсу в случае Турции не следует, строго говоря, соотносить исключительно с сирийским кризисом. Еще в 2010 г. известный американский специалист по Ближнему Востоку С. Кук затронул вопрос о переходе взаимодействия США и Турции в регионе в стадию соперничества, используя для этого выражение «frenemy» [12]. Последнее, образованное путем слияния английских слов «friend» (англ. друг) и «enemy» (англ. враг), было впервые использовано во внешнеполитическом дискурсе в 1953 г. У. Уинчеллем для характеристики взаимоотношений США и СССР эпохи начинавшейся Холодной войны. С тех пор данный термин используется по аналогии со схожим выражением «coopetition» = «cooperation» (англ. сотрудничество) + «competition» (англ. соперничество) для описания подобных ситуаций [8]. По мнению С. Кука, в американо-турецких отношениях такой переход наступил, когда Анкара впервые выступила с требованием к Израилю об ослаблении блокады сектора Газа, угрожая в противном случае некими не специфицированными последствиями, т.е. открыто выразила поддержку одной из сторон конфликта, а именно Палестине. Так или иначе, сирийский кризис привел к еще большему усилению уже имевшихся к моменту его начала противоречий.

В свою очередь, ряд российских экспертов-туркологов, анализируя перспективы страны на международной арене на горизонт 2050 года, рассматривают сценарий, при котором Турция, почувствовавшая себя новой региональной силой после ослабления Ирака и Сирии, а также на фоне

многолетних безуспешных попыток присоединиться к Евросоюзу, концентрирует усилия на установлении новых отношений с соседними странами, в которых стремится к лидерству, пытаясь хотя бы частично восстановить свое влияние периода Османской империи [11, 1]. Соответствующая внешнеполитическая доктрина Турции, связанная с новым пониманием национальной и геополитической идентичности, определяется данными экспертами как «неоосманизм» [11].

Проблемы турецкой внутренней политики. В условиях обострения сирийского кризиса внутривнутриполитическая ситуация в самой Турции складывалась весьма неблагоприятно. Первая проблема, с которой столкнулась Турция – так называемое «глубинное» или «параллельное государство»: наличие теневых кругов власти внутри страны, стремящихся среди прочего обострить отношения с Россией, фактически создало угрозу военного конфликта. Речь идет об инциденте со сбитым самолетом российских ВКС СУ-24 на границе с Сирией 24.11.2015 г. Позднее этот процесс в числе других факторов привел к попытке осуществления государственного переворота частью турецкого генералитета. Как известно, данная попытка оказалась неудачной, во многом благодаря дружественным действиям со стороны России, которая предупредила турецкое руководство и лично Р.Т. Эрдогана о готовящихся незаконных действиях группы военных.

Последствия попытки осуществления государственного переворота привели к введению чрезвычайного положения в стране, ограничению свобод, массовым чисткам в рядах силовых структур и закрытию ряда оппозиционных СМИ. Задача, которую ставили перед собой турецкие власти, состояла главным образом в нейтрализации элементов «глубинного государства». Результатом действий правительства Анкары стали ограничение гражданских свобод и репрессии в отношении внутривнутриполитических врагов Р.Т. Эрдогана, что не могло не привести к обострению отношений с ЕС. В дальнейшем данные отношения продолжали оставаться напряженными. Показательным в этой ситуации стал вопрос беженцев, вызвавший острые споры между сторонами. ЕС был вынужден принять условия Турции и выплатить финансовую помощь в размере 6 млрд долларов США. Последнее может свидетельствовать о том, что Турция действовала в переговорном процессе по преимуществу с позиции силы и имела рычаги давления на Европейский союз.

Вторая внутренняя проблема – курдский фактор. Объявление «вне закона» курдской партии Рабочей Партии Курдистана (РПК) четко обозначило внутривнутриполитического врага правящей Партии Справедливости и Развития (ПСР). Признанная на территории Турции террористической организацией РПК ставит перед собой задачи создания курдской автономии, в то время как ее радикальные ответвления говорят о создании независимого курдского государства. Подобные устремления внутривнутриполитических сил несут в себе угрозу суверенитету и территориальной целостности страны. Р.Т. Эрдоган, будучи опытным политиком, знает, как использовать указанный курдский фактор для консолидации турецкого общества. К тому же это верный способ заработать политические очки и законодательно закрепить широчайшие полномочия президента. Не обошлось без курдского вопроса и в Сирии: именно Турция инициировала военную операцию против курдских формирований на северо-западе Сирийского государства. Первая турецкая операция «Щит Евфрата» началась в августе 2016 г. и продлилась до марта 2017 г. В результате Анкаре удалось образовать подконтрольный ей анклав и не допустить объединения курдских сил в регионе. В январе 2017 г. Турция объявила о новой операции в Сирии, получившей название «Оливковая ветвь», цель которой сводится к недопущению открытия «террористического коридора» на севере Сирии, защите южных границы НАТО, а также приграничных регионов.

При этом стоит отметить реакцию России и США на действия Турции в приграничных с Сирией регионах: в то время как первая заняла нейтральную позицию наблюдателя, вторые раскритиковали активные действия Анкары, поскольку курды считаются основным союзником Вашингтона в Сирии. Здесь вновь дали о себе знать обозначенные выше противоречия партнеров по НАТО. При детальном исследовании данного вопроса становится ясно, что политический проект «Большого Ближнего Востока», реализуемый США на макрорегиональном

уровне, предполагает создание независимого государства Курдистан, которое займет часть территорий Ирана, Ирака, Сирии и Турции. Данный сценарий неприемлем для Турции в принципе, и особенно с учетом текущей внутривосточной конъюнктуры – в преддверии празднования столетнего юбилея образования Турецкой Республики в 2023 г.

Возвращаясь к фактору России в региональной политике Турции, следует подчеркнуть, что сирийский кризис имеет переломное значение для двусторонних отношений. Точкой отсчета стал упомянутый выше инцидент со сбитым самолетом: цена ошибки оставила более 45 млрд долларов США: сокращение до минимума двусторонней торговли, запрет на импорт сельскохозяйственной продукции турецких производителей, заморозка инфраструктурных проектов, закрытие важного туристического направления для россиян. Принятые меры оказались весьма ощутимыми для турецкой экономики. Страна попала в сложную ситуацию и была вынуждена пойти на условия России, приступить к нормализации отношений. В связи с этим, стоит отметить взвешенную позицию руководства России в период наибольшего обострения отношений с Анкарой. В момент, когда разные силы как внутри страны, так и за ее пределами подталкивали Москву к ответным действиям, стремясь ввязать государства в очередной конфликт, был продемонстрирован высочайший уровень хладнокровия и высокой политической культуры.

Прогнозы и выводы. Сегодня Турция выступает одним из ключевых партнеров России на Ближнем Востоке и в процессе урегулирования сирийского кризиса. Совместно с Ираном и Россией она входит в число гарантов политического процесса, исход которого будет определять баланс сил в регионе. Разногласия с западными партнерами по целому ряду вопросов вынуждают Турцию более тесно сотрудничать с Россией. В последние месяцы такое обоюдное взаимодействие демонстрирует тенденцию к последовательной интенсификации.

Так, в декабре 2017 г. Турция приобрела у России ЗРК С-400 на сумму 2,5 млрд долларов США: еще два года назад подобные сценарии представлялись невообразимыми. Сотрудничество с Россией происходит и в энергетической сфере, что способствует решению проблемы нехватки энергоресурсов и значительно снизит зависимость Турецкой Республики от внешних поставщиков. Реализация проектов «Голубой поток» и «Турецкий поток» открывает для Турции ряд конкурентных преимуществ для выстраивания отношений с ЕС, в то время как строительство АЭС «Аккую» может вывести турецкую энергетику и двустороннее сотрудничество на качественно новый уровень.

Весьма показательно и далеко не случайно, что свой первый официальный визит после очередного избрания на пост Президента России В.В. Путин в начале апреля 2018 г. нанес именно в Анкару. Хронологически в то же время он сделал заявление о том, что ИГИЛ (террористическая организация, запрещена в РФ) в Сирии полностью разгромлена, однако о полной стабилизации ситуации в стране говорить еще преждевременно [7]. Тем не менее тот факт, что основной общий враг фактически разбит, но сотрудничество двух стран на этом не прекращается, но получает импульс к дальнейшему развитию, свидетельствует о долгосрочном и стратегическом восприятии альянса со стороны как Москвы, так и Анкары.

Литература:

1. Аватков В.А., Кочкин М.В. Основные направления кризиса во внутренней и внешней политике Турецкой Республики // Вестник МГИМО-Университета. 2016. №2. С. 7-14.
2. Астахов Е.М., Райнхардт Р.О. Государственная поддержка национального бизнеса на внешних рынках. М.: МГИМО-Университет, 2015. 268 с.
3. Дергачев В.А. Геополитика. М.: Юнити-Дана, 2004. 526 с.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // МИД РФ. 01.12.2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248
5. Манчхашвили М. Турция и безопасность Южного Кавказа: «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе» // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Выпуск 4. Т. 13. С. 100–107.

6. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2014. 448 с.
7. Путин считает, что "ИГ" полностью разгромлено, но все еще представляет опасность // Российский диалог. 04.04.2018. URL: https://www.rusdialog.ru/news/141237_1522832667
8. Райнхардт Р.О. США и Россия: 210 лет дипломатических отношений и международной коммуникации // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2017. Т.6. №3. С. 8-14.
9. Североатлантический договор // Организация Североатлантического договора. 09.12.2008. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm
10. Турецкий премьер призвал Каддафи уйти в отставку // Голос Америки. 03.05.2011. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/lybia-mysurata-2011-05-03-121216514/234250.html>
11. Ульченко Н.Ю., Иванова И.И., Киреев Н.Г., Мейер М.С., Уразова Е.И. Возможные сценарии развития Турции до 2050 // Восточная аналитика. 2014. №4. С. 25-28.
12. Cook S. How Do You Say "Frenemy" in Turkish? // Foreign Policy. 01.06.2010. URL: <http://foreignpolicy.com/2010/06/01/how-do-you-say-frenemy-in-turkish-2/>
13. Devlet N. Türkiye Avrasya'daki Kuruluşlarla İlişkilerinde Nerededir? // TASAM. 17.06.2009. URL: http://www.tasam.org/tr-TR/Icerik/1084/turkiye_avrasyadaki_kuruluslarla_iliskilerinde_nerededir
14. Di Capua G. Gianfranco Miglio. Scienziato impolitico. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2006. 298 p.
15. George Friedman: The Failed Coup Will Help Turkey Become a Major Power // Mauldin Economics. 28.07.2016. URL: <http://www.mauldineconomics.com/editorial/george-friedman-the-failed-coup-will-help-turkey-become-a-major-power#>.
16. Zonova T., Reinhardt R. Main vectors of Russia's foreign policy (1991-2014) // Rivista di studi politici internazionali. 2014. Т. 87. №4. С. 501-516.

Баязитов Самат Гумарович.

Райнхардт Роман Отмарович. E-mail: don.reinhardt@mail.ru.

Дата поступления 18.04.2018

Дата принятия к публикации 20.06.2018

DEVELOPMENT OF RUSSIAN-TURKISH RELATIONS IN THE PRISM OF THE SYRIAN CRISIS (2015 - PRESENT TIME)

DOI: 10.25629/HC.2018.06.01

BAYAZITOV S.G., RAYNKHARDT R.O.

Moscow State Institute of International Relations (University) at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Moscow

Abstract. The article is devoted to the transformation of relations between the Republic of Turkey and the Russian Federation in the context of the crisis in the Middle East and, in particular, in Syria, whose active phase began in 2015 and continues to this day. The main initial positions of both countries, the level and contradictions of their bilateral relations at the time of the crisis beginning were analyzed. Then, taking into account primarily foreign policy factors, the consistent evolution of Ankara's position towards Moscow is shown against the backdrop of the intensification of the contradictions between the Turkish leadership and Western countries, and primarily with the USA. At the same time, attention is also paid to changes in the internal political character in Turkey, including the activities of the Kurdish political forces, attempts of rebellion and a number of other circumstances. An important role of the personality factor of the Russian and Turkish leaders was noted. V.V. Putin and R.T. Erdogan, in the dialogue on Syrian issues and discussion of joint measures aimed at resolving this situation. Finally, the prerequisites for the further strategic and mutually beneficial cooperation between Russia and Turkey in foreign policy and economy are highlighted and described, given the current situation.

Key words: foreign policy, Turkey, Middle East, Russia-Turkey relationship, crisis in Syria.

References:

1. Avatkov V.A., Kochkin M.V. Osnovnye napravleniya krizisa vo vnutrennei i vneshnei politike Turetskoi Respubliki [The main directions of the crisis in the domestic and foreign policy of the Republic of Turkey]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2016, no. 2, pp. 7-14. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Astakhov E.M., Rainkhardt R.O. *Gosudarstvennaya podderzhka natsional'nogo biznesa na vneshnikh rynkakh* [State support of national business in foreign markets]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2015, 268 p.
3. Dergachev V.A. *Geopolitika* [Geopolitics]. Moscow: Yuniti-Dana, 2004, 526 p.
4. Kontseptsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V. Putinyam 30 noyabrya 2016 g.). MID RF. 01.12.2016. [Foreign policy concept of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V. V. Putin on November 30, 2016). RF MFA]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248.
5. Manchkhavili M. Turtsiya i bezopasnost' Yuzhnogo Kavkaza: "Platforma stabil'nosti i sotrudnichestva na Kavkaze" [Turkey and the security of the South Caucasus: "Platform for stability and cooperation in the Caucasus"]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 2010, issue 4, vol. 13, pp. 100–107.
6. Megatrendy. *Osnovnye traektorii evolyutsii mirovogo poryadka v XXI veke* [The main trajectories of the evolution of the world order in the XXI century]. In T.A. Shakleina, A.A. Baikova (eds.). Moscow: Aspekt Press, 2014. 448 p.
7. Putin schitaet, chto "IG" polnost'yu razgromleno, no vse eshche predstavlyaet opasnost' [Putin believes that the "IG" completely destroyed, but still is a danger]. *Rossiiskii dialog*. 04.04.2018. URL: https://www.rusdialog.ru/news/141237_1522832667.
8. Rainkhardt R.O. SShA i Rossiya: 210 let diplomaticheskikh otnoshenii i mezhdunarodnoi kommunikatsii [USA and Russia: 210 years of diplomatic relations and international communication]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika*, 2017, vol. 6, no. 3, pp. 8-14.
9. Severoatlanticheskii dogovor [North Atlantic Treaty]. *Organizatsiya Severoatlanticheskogo dogovora [North Atlantic Treaty Organization]*. 09.12.2008. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm.
10. Turetskii prem'er prizval Kaddafi uiti v otstavku [Turkish Prime Minister urged Gaddafi to resign]. *Golos Ameriki [Voice of America]*. 03.05.2011. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/lybia-mysurata-2011-05-03-121216514/234250.html>.
11. Ul'chenko N.Yu., Ivanova I.I., Kireev N.G., Meier M.S., Urazova E.I. Vozmozhnye stsenarii razvitiya Turtsii do 2050 [Possible scenarios for Turkey's development up to 2050]. *Vostochnaya analitika*, 2014, no. 4, pp. 25-28.
12. Cook S. How Do You Say "Frenemy" in Turkish? *Foreign Policy*. 01.06.2010. URL: <http://foreignpolicy.com/2010/06/01/how-do-you-say-frenemy-in-turkish-2>.
13. Devlet N. Türkiye Avrasya'daki Kuruluşlarla İlişkilerinde Nerededir? *TASAM*. 17.06.2009. URL: http://www.tasam.org/tr-TR/Icerik/1084/turkiye_avrasyadaki_kuruluslarla_iliskilerinde_nerededir.
14. Di Capua G. Gianfranco Miglio. *Scenziato impolitico*. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2006. 298 p.
15. George Friedman: The Failed Coup Will Help Turkey Become a Major Power. *Mauldin Economics*. 28.07.2016. URL: <http://www.mauldineconomics.com/editorial/george-friedman-the-failed-coup-will-help-turkey-become-a-major-power#>.
16. Zonova T., Reinhardt R. Main vectors of Russia's foreign policy (1991-2014). *Rivista di studi politici internazionali*, 2014, vol. 87, no. 4, pp. 501-516.

Bayazitov Samat Gumarovich.

Rainkhardt Roman Otmarovich. E-mail: don.reinhardt@mail.ru.

Date of receipt 18.04.2018

Date of acceptance 20.06.2018